

УДК 111.7
ББК 87.5
DOI: 10.46726/Н.2020.4.15

А. В. Брагин

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА: МИР ЕСТЬ ВОЙНА?

Статья посвящена перспективе позитивного будущего человечества в состоянии Постсовременности как точки бифуркации развития глобальной цивилизации. Балансирование между Войной и Миром в аспекте ноокосмической эволюции мироздания, позволяет не допустить постчеловеческого будущего только при адекватном осознании происходящих изменений. Такой вектор развития цивилизации, по мнению автора, позволяет оптимально обеспечить опыт прошлого, в частности конфуцианская процедура «исправления имен».

Ключевые слова: постсовременность, цивилизация, человек, «исправление имен», война, мир.

A. V. Bragin

THE CIVILIZATION OF POSTMODERN: PEACE IS WAR?

The article is devoted to analysis of the prospect positive future mankind condition of the Postmodern as points to bifurcations of the development to global civilization. Balancing between War and the World in aspect noocosmics evolution of the universe, allows not to allow the post human future only under identical realization occurring change. Such vector of the development to civilizations, in the opinion of author, allows optimum to provide the experience a past, the procedure “corrections of the names”.

Key words: postmodern, civilization, man, “corrections of the names”, peace, war.

«Война — это мир
свобода — это рабство
незнание — сила»

Оруэлл Дж. «1984»

Для того чтобы человечеству осознанно двигаться в будущее необходимо знать: кто мы сегодня, каковы объективные тенденции развития, на что мы можем надеяться в случае пассивного притяжения или активного противодействия. Прodelать такой анализ можно опираясь на разные методологии, однако наиболее конструктивной в достижении данной цели является учение о ноосфере В. И. Вернадского (в его творческом развитии отечественными философами). Автор исходит из того, что характеристика современной глобальной цивилизации, как цивилизации Постмодерна (см.: [12]), является наиболее адекватной, позволяет разобраться в, пожалуй, самой острой на данный момент, проблеме стоящей перед человечеством, проблеме Войны и Мира, увидеть ее в динамике исторического и ноокосмического развития, обозначив наиболее вероятные возможности ближайшего и отдаленного будущего.

Акцент делается на возможности восстановления традиционного (адекватного объективной реальности) понимая базисных понятий в условиях нарастающего ценностного релятивизма, социальной хаотизации и аутизма (даже «конца социального» [1]). Здесь можно констатировать апокалипсическое состояние глобальной человеческой цивилизации на настоящий момент, что лишнее раз подчеркивает и переживаемая ей пандемия, экономический спад и пр.

По поводу анализа специфики общества Постсовременности (осуществляемого как минимум с 80-х гг. XX века) существует много глубоких и интересных работ (анализ которых достаточно полно осуществлен, например в трудах В. Н. Волкова, см.: [5, 6]). Однако для этих работ характерен подход апологии нового, априорно определяемого как позитив (особенно в социокультурной и политической сферах) (см., напр.: [13, 15, 16, 21, 23, 24, 25]). Постсовременность рассматривается большинством авторов как просто очередной этап восходящего развития (от хорошего к лучшему), а вовсе не трагический и переломный момент чреватый катастрофой человеческого мира. Указанный подход несколько компенсируется классическими антиутопиями Замятина, Оруэлла, Хаксли (художественными по форме, но философскими по содержанию) [10, 18, 26]. Здесь, однако, возникает проблема возможности существования конструктивных, неутопичных вариантов развития общества, выхода из точки бифуркации на позитивный маршрут истории человечества.

Для того чтобы человечеству осознанно двигаться в будущее необходимо знать: кто мы сегодня, каковы объективные тенденции развития, на что мы можем надеяться в случае пассивного притяжения или активного противодействия. Прodelать такой анализ (а значит создать основу для выбора конструктивного варианта выхода из кризиса) можно опираясь на разные методологии, однако наиболее конструктивной в достижении данной цели является учение о ноосфере В. И. Вернадского (в его творческом развитии отечественными философами). Автор исходит из того, что характеристика современной глобальной цивилизации, как цивилизации Постмодерна, является наиболее адекватной, позволяет разобраться в пожалуй самой острой на данный момент проблеме стоящей перед человечеством, проблеме Войны и Мира, увидеть ее в динамике исторического и ноокосмического развития, обозначив наиболее вероятные возможности ближайшего и отдаленного будущего.

При опоре на понимание всех процессов происходящих в истории человечества, как реализации ноосферной космо-социальной тенденции развития мироздания, вполне достижимым является и решение конкретных проблем. К числу таких проблем относится и проблема преодоления кризиса социальной жизни свойственного Постсовременности. Ключом к выявлению такой взвешенной, опирающейся на объективные основания (а потому наиболее адекватной для понимания происходящих процессов), является ноосферная теория.

Исходя из этой теории, констатируем, что границы выбора вариантов социального развития человечества (имеющегося фазового объема возможностей), заданы ноосферным вектором эволюции общества, но это вовсе не означает пассивность людей, т. к. имеющиеся в этих рамках варианты предполагают многое, вплоть до самоуничтожения современного человечества. Данное обстоятельство обуславливает необходимость, если иметь ввиду позитивное для человека как носителя разума развитие событий, сделать выбор человека наиболее осознанным. В аспекте решения этой задачи необходимо, в частности выявить наиболее существенные параметры, обуславливающие

специфику сегодняшнего постсовременного восприятия реальности доминирующего в обществе.

Представляется, что вполне концентрированное определение данной специфики дал А. Г. Дугин. Он, говоря о специфике Постсовременности, справедливо указал, что если в эпоху Модерна в центре мира был Человек (пусть и в состоянии богооставленности), то в нашу эпоху Постмодерна — имитация, симулякр, ризом (см.: [7]). Отсюда и распространение идеологии и парадигмы трансгуманизма, который в своих «научной» и «мистико-религиозной» форме опирается в частности на такие принципы, как «неофилия» (апология нового), технофилия (апология технических новаций) и «про-активный принцип» (апология права человека произвольно менять себя) [19]. В рамках такой идеологии человеку внушается, что он абсолютно свободно может наполнять содержанием любые «имена» (игнорируя их объективную онтологическую обусловленность), даже выбирать свой пол (причем не из заданного природой «ассортимента», а произвольно сконструированного).

Заинтересованной в распространении такой идеологии (либеральной по своему характеру) является, прежде всего, финансовый спекулятивный транснациональный капитал и обслуживающая его интересы часть космополитической интеллектуальной элиты. Подчеркнем, что сегодня именно либеральные силы определяют развитие человечества. При этом жизнь человека и общества, провозглашающего свободу абсолютной ценностью (толерантность ко всему при нетерпимости к иному мировоззрению), все более хаотизируется. Эталоном существования в такой либеральной модели развития становится постоянная территориальная, социокультурная и иная мобильность, аксиологический релятивизм. Существенно, что человека превращают в универсального потребителя, пытаются лишить какой либо опоры, устойчивости еще и через насаждение представление о новом как «безусловно лучшем». Отсюда непрерывная погоня за новыми моделями бытовых вещей (в которые производители еще и заранее сознательно закладывают технологические недостатки, ограничивающие их срок службы). «Инновационная лихорадка» имеет своим выражением и определенные модели (теоретические и практические, охватывающие все более обширные сферы человеческого бытия) — от «перманентной революции» Троцкого, до московской жилищной «реновации» Собянина.

Даже история все более становится объектом «реновации», прошлое, как и будущее все более непредсказуемо! Создаются «министерства Правды» («институты национальной памяти»), занятые конструированием удобной истории, причем осуществляется это не только в информационной и коммуникативной плоскости, но и вполне материальной. Ликвидируются или фальсифицируются исторические и археологические артефакты, от сноса гигантских статуй Будды в афганском Бамиане, до «музейной реконструкции» концлагеря «Саласпилс» в Латвии, сносе памятников советским воинам практически по всей Западной Европе. В подкрепление и закрепление этой тенденции в массовом сознании выпускаются детские игрушки, компьютерные игры и создаются артефакты «дополненной реальности» (нарастает виртуализация жизни, см.: [11]), проводятся учебные тренинги, «научные» конференции, создаются учебные курсы (Сорос выступил здесь первопроходцем).

В сознании человека Постсовременности все находится в причудливом произвольном смещении, отсутствии иерархичности, все зыбко, неустойчиво, фрагменты как в калейдоскопе меняются местами в зависимости от случайности.

И «калейдоскопом» этим безусловно пытаются управлять. В обществе, расколотом по этнокультурному, социально-экономическому, политическому и иным принципам и мир, и война — есть лишь средства решения политических задач, а политика, как известно «*являющейся линией массового поведения, направленного на реализацию, прежде всего групповых интересов (и потому навязываемой обществу через механизмы государственной власти)*» [2, с. 417]. В этих обстоятельствах, те социальные силы, которые способны обеспечивать через основные социальные институты восприятие своих групповых интересов в качестве всеобщих, способны и придавать «именам» (см., определение «имени»: [17, с. 165—166]) произвольные значения, т. е. управлять процессом, который *декларируется* как абсолютно свободный продукт выбора отдельной личности.

Сегодня в этом манипулировании заинтересована финансово-спекулятивная либеральная транснациональная элита. Причем технологии Постсовременности позволяют ей (через средства массовой коммуникации и систему образования) создавать в сознании людей реальность (модели), часто противоположную объективно существующему. Практическое столкновение с объективной реальностью, конечно, корректирует доминирующую в сознании модель, однако и эта корректировка подвергается агрессивному искажению и т. д. Добавим и особо подчеркнем, что человек должен быть готов к восприятию информации, она должна «уместиться» в его сознании, и если оно определенным образом форматировано (уровнем и характером образования, например, или идеологией), то искажение информации неизбежно.

Такому состоянию сознания личности и общества, казалось бы, идеально соответствует (парадоксальное с точки зрения логики Модерна) утверждение Оруэлла из его знаменитой антиутопии «1984» [18] — «Война — это мир; свобода — рабство; незнание — сила!» Здесь следует особо подчеркнуть, что свойственный Постмодернизму отказ от рациональности, имманентно предполагает опору на психологические, нейро-лингвистические и иные технологии манипуляции сознанием. В условиях нарастающей виртуализации социальной жизни (с ее «дополненной реальностью»), критикой идеи рациональности (которая «является сутью современной цивилизации» [20, с. 45]), создается информационный шум. Это шум настолько дезориентирует человека, что тот все более теряет связь с действительностью, даже игнорирует ее, пытаясь решать жизненные проблемы — в том числе проблеме Войны и Мира, исходя их виртуальных иллюзорных обстоятельств, даже собственного произвола (с полным игнорированием логики).

Такой произвол легче всего осуществлять и транслировать на основе наиболее подходящего «человеческого материала». Поэтому, отнюдь не случайным является ставка сторонников либерального выхода из Постсовременности в новое качество социума на молодежь, представителей творческих профессий, цифровой экономики («креаклов»), жителей мегаполисов. Именно эти социальные слои наиболее отзывчивы на либеральные ценности, инновации. Другое дело, что доля молодежи и креаклов в населении планеты имеет тенденцию к сокращению, но это компенсируется маргинализацией и даже люмпенизацией населения (особенно проживающего в мегаполисах, отсюда ставка на переселение туда большинства населения планеты).

Делалась ставка и на постоянную массовую миграцию с периферии «цивилизованного мира», которая не только давала дешевую рабочую силу или компенсировала естественную убыль местного «постсовременного»

населения, но и, безусловно, усиливала социальный хаос. Однако модель «мультикультурализма» (предполагавшая форматирование сознания под требования либеральных ценностей) провалилась, столкнувшись с инерцией этнокультурного менталитета мигрантов. Эти мигранты, как показывает практика, не вливаются в западное общество, а создают устойчивые культурные традиционалистские анклав в ткани глобальной постсовременной цивилизации.

Подчеркнем, что точка сборки восприятия реальности человеком, обществом может полагаться в вечности, а может — в эфемерном преходящем мгновении («отсеке сегодняшнего дня», как иногда говорят). Традиционный уклад жизни тяготеет к устойчивости, целостности и его «точка сборки» вечность, что обеспечивает обычно религия¹, а вот секуляризованное восприятие жизни (тем более при отказе от рациональности) все более и более сваливается в суетную «сиюминутность». Причем, если в предшествующие эпохи она была этно-культурно определенной (через Традицию), то в условиях Постсовременности она все более и более произвольно-субъективна (даже «игровая», см., например: [9]). Человек в Постсовременности устремляется, пытаясь преодолеть свою социобиологическую природу, в направлении к Постчеловеку (см., например: [25]).

В этом направлении есть объективные препятствия. Можно, в частности констатировать, что сама человеческая природа сопротивляется трансгуманистской либеральной тенденции развития постсовременной глобальной цивилизации. К тому же, технологии манипуляции массовым сознанием обязательно предполагают произвольные манипуляции со смыслом слов (в условиях Постмодерна доминирует убежденность, что такие языковые манипуляции не имеют ограничений). Однако, как справедливо подметил К. Ясперс: «Язык служит выражением бытия. Он порожден бытием и отнюдь не является неким техническим средством» [7, с. 23], точнее будет сказать, что только к техническому средству он не сводится.

Осознание указанных объективных ограничений для конструирования социальной реальности, конечной несостоятельности идеи форматирования человеческого сознания под некий идеал (в частности конечной неудачи реализации, любой модели «нового человека» — марксистской, либеральной² или любой иной) неизбежно обуславливает в рамках либеральной концепции нарастание притягательности идеи Постчеловека. Поскольку Человек понимается как «ненадежный» элемент системы, в перспективе предполагается его замена в социальных системах (эволюционирующих от социотехнических к чисто техническим) на более надежный *искусственный* элемент. При этом используются, например, технологии искусственного интеллекта. В плане применения этих технологий уже сегодня становится очевидным, что в «умном доме», «умном городе» или «умной стране», человек представляет собой заведомо «сбойный» и излишний элемент. В рамках «трансгуманистской» парадигмы выясняется, что в пределе и «золотой миллиард» излишний! Добавим, что в таком случае и *Мир* вполне объективно

---

¹ Заметим, что и традиционные конфессии, тоже могут модифицироваться в русле либеральной модели, все дальше отходя от традиции (примером чему католическая церковь).

² Кстати, этим обусловлены и утверждения отечественной либеральной обществу по поводу того, что ей «не повезло» с народом. Правящие элиты практически любого конкретного общества имеют схожие претензии к своим согражданам.

(а не в плане произвольной манипуляции содержанием слов) тождественен *Войне*, войне с человеческой природой, более того он означал бы победу [8] над Человеком, и возможностью ноосферного вектора эволюции на данном этапе развития земной биосферы.

Либеральной модели развития постсовременной глобальной цивилизации противостоит «охранительская», «удерживающая», *консервативная* модель (новое, как известно — хорошо забытое старое), что вполне естественно, если мы хотим сохранить человеческое в человеке, а значит и ноосферный вектор эволюции человечества. Заинтересованными в реализации консервативной модели являются представители капитала связанного с непосредственным материальным производством (в котором пока нуждается даже самая инновационная цифровая экономика) и обслуживающая его нужды интеллектуальная элита, а массовой опорой население непосредственно занятое в этом производстве. Добавим, что силу сложной социально-политической структуры человечества и борьбой за мировое господство, в постсовременной цивилизации особое место занимают страны «изгой», находящиеся под санкциями и объективно поставленные в условия обеспечивающие нарастание автаркии и консервации традиционных ценностей, устоев общественной жизни.

В плане определения средств обеспечения противодействия «постчеловеческой» перспективе в развитии цивилизации, то на мой взгляд, имеет смысл начать с проверенного и доказавшего свою эффективность (свидетельство тому тысячелетнее непрерывное развитие китайской цивилизации) средства — процедуры «исправления имен» (см.: [3, 4]). Периодическую необходимость данной процедуры, для конструктивного развития цивилизации, когда-то усмотрел в древнем Китае Конфуций³, и хотя уровень проблемы и предлагаемый вариант решения были конкретно-локальными, однако предложенная Конфуцием технология обладает потенциалом всеобщности и локальности (как в плане понимания ситуации, так и в плане ее практического исправления).

Конечно ситуация значительно более сложная чем та, с которой столкнулся Конфуций в древнем Китае. Тогда был кризис традиционного общества, да еще в специфических условиях древнекитайской цивилизации. Сегодня мы имеем дело с глобальной цивилизацией Постмодерна, которая и качественно, и количественно отлична даже от цивилизации эпохи Модерна, не говоря уж о локальных цивилизациях Древнего Востока.

Однако человек еще остается человеком, а сегодняшние технологии позволяют обеспечить всеохватывающую трансляцию эталонного значения «имен», адекватных конструктивному и подлинно ноосферному развитию человечества. Здесь следует подчеркнуть особое значение личности стоящей у руля современного государства. Если либеральная модель генерируется и транслируется анонимной силой (обозначаемой терминами типа «глубинное государство»), то консервативная модель (по крайней мере при применении процедуры «исправления имен») обязательно предполагает харизматическую личность («благородного мужа» по терминологии Конфуция), выступающего в качестве примера

---

³ Конфуций отмечал, что если «имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то... наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена должен произносить их правильно, а то, что произносит правильно осуществлять» [14, с. 448].

и камертона должного поведения, реализации адекватного применения имен. Данное обстоятельство связано с пассивностью социальных слоев стоящих за традиционными ценностями, привыкшим на основе тысячелетий следовать живому примеру их применения в человеческой деятельности.

Перспектива у такого развития человеческой истории есть. Свидетельство чему, в частности, приход к власти Трампа⁴ в цитадели глобальной цивилизации и витрине либерального мира — США. Его лозунг «Сделать Америку снова Великой» обозначил имеющееся несоответствие «имени» и реальности, фактически обозначив попытку (весьма непоследовательную, плохо продуманную и организационно обеспеченную) осуществления процедуры «исправления имен». Даже его поражение (в силу субъективных и объективных причин) на прошедших в 2020 г выборах, демонстрирует как минимум равенство сил, победа либералов вовсе не абсолютна, непрозрачность выборов и многочисленные нарушения и без того ненадежной устаревшей процедуры, продемонстрировали кризис либеральной модели постсовременного развития.

И здесь возникают принципиальные вопросы, на которые у автора, пока, нет ответов. А в обществе Постмодерна традиционно образованная духовная и управленческая элита («благородные мужи») — есть? Возможно ли сегодня такое «исправление имен» (по Конфуцию), которое восстановило бы адекватное восприятие реальности (в частности в социально-политической сфере), что должны предпринять социальные силы, которые в этом заинтересованы? Какие стимулы, средства, духовые и материальные ресурсы необходимо сегодня задействовать для успеха «исправления имен»? С какого «имени» уместно начать исправление имен в конкретном обществе? Может ли Россия (декларирующая приверженность традиционным ценностям, даже в новой редакции своей Конституции) стать точкой (нуклеусом) с которого начнется процесс оздоровления человечества?

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. М.: Директ-Медиа, 2009. 115 с.
2. Брагин А. В. Политика и политиканство в жизни социума: философское эссе // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2002. Вып. 2. С. 417.
3. Брагин А. В. Динамическая устойчивость социума: конфуцианская концепция руководства и современная Россия // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. Вып. 1. С. 66—68.
4. Брагин А. В. Проблема устойчивого развития социума и конфуцианская концепция управления // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2009. Вып. 2. С. 3—7.
5. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 5 (2). С. 3—8.
6. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации. М.: Издательские решения, 2017. 606 с.
7. Дугин А. Г. Современность как пародия на подлинность (беседа с А. Прохановым. Изборский клуб) URL: <https://www.youtube.com/channel/UCZNKg6NI7mah4i3dE6m0oYw> (дата обращения: 01.09.2020).

⁴ Кстати, Трамп пришел к власти фактически под лозунгом исправления имен — он призвал сделать Америку Великой (а это предполагает, что «де факто» она такой быть перестала).

8. *Дугин А. Г.* Русская война, Москва, Алгоритм, 2015. URL: <https://www.libfox.ru/584601-aleksandr-dugin-russkaya-voyna.html> (дата обращения: 01.09.2020).
9. *Завьялова Н. А.* Языковые игры Постмодерна как проявление культурной диффузии // *Дискуссия*. 2015. № 2 (54). Февраль. С. 25—33.
10. *Замятин Е. И.* Мы // *Замятин Е. И.* Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1990. С. 15—155.
11. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
12. *Иноземцев В. Л.* Постмодерн // *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 296—297.
13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
14. *Конфуций.* Беседы и суждения. СПб., 2001. 448 с.
15. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
16. *Несбит Д.* Мегатренды, М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
17. *Лосев А. Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 269 с.
18. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
19. После человека. Идеология и пропаганда в современном мире: доклад Экспертной Русской Школы / под рук. В. Щипкова. URL: <http://russian-expert.ru/posle-cheloveka#contents> (дата обращения: 01.09.2020).
20. *Смирнов К. С.* Антропологический кризис в эпоху неототалитаризма // *Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер.7, Философия*. 2008. № 2 (8). С. 45.
21. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с.
22. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
23. *Тоффлер Э.* Футурошок. СПб., 1997. 464 с.
24. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ Москва; Полиграфиздат, 2010. 588 с.
25. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
26. *Хаксли О.* О дивный новый мир. М. Эксклюзивная классика, 2016. 160 с.
27. *Ясперс К.* Язык [Вместо введения] // *Языки глобального сознания: кол. моногр. / отв. ред. Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 8—29.